

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕЧАТНИЦА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РОСФОР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

З. Багрицкого, А. Болотникова, М. Кольцова, В. Лидина, А. Селивановского, М. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, М. Чарного, Е. Успенки.

ЦЕНА 20 КОП.

29
НОЯБРЯ
1933
55 (310)

ЛИТЕРАТУРА И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В САСШ

Период всеобщего кризиса капитализма и в особенности настоящий мировой кризис подвел итог некоторым важным процессам, связанным с бунтом американской мелкой буржуазии против безраздельного господства монополистического капитала, наложившего своеобразный ярлык отпечаток на политическое и культурное развитие САСШ эпохи империализма. В силу специфических условий развития капитализма в Америке этот бунт был неравным и более упорным и живучим, чем в какой-либо из других стран Европы, и имел широкую социальную базу, далеко не исключающую и в настоящее время. Экспроприруемые и закабаленные крупным капиталом массы самостоятельных мелких производителей города и деревни крайне болезненно переживали превращение САСШ в ведущую империалистическую державу, в империю монополистического капитала.

Основные сдвиги буржуазии и крестьянства, бежавшими от европейского феодализма с целью установить чисто буржуазное общество (Энгельс), соединенные с развитием индустриальной культуры XIX века под знаком борьбы народных масс за победу американизации и за разрешение аграрного вопроса в пользу фермеров.

Наличие в колониальной стране обширных свободных земель, явившихся естественной предпосылкой для буржуазной борьбы за «американский путь развития», смягчило в значительной мере социальные противоречия развивающегося капитализма. Свободные земли мешали обострению противоречий между городом и деревней, они препятствовали образованию резервной армии труда и давали трудящимся несмысленную в условиях европейского капитализма привилегию относительной мобильности социальных перегородок. «Сегодняшний наемный рабочий завтра становится независимым, ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином или ремесленником. Он исчезает с рабочего рынка, но только не в рабочий дом», — писал Маркс, характеризуя условия социального развития в САСШ в первой половине XIX века. Нельзя, разумеется, сколько-нибудь удовлетворительно обобщить характерные для культурного и литературного развития САСШ идеологические классовые конфликты без тщательного учета и конкретного анализа этих социально-исторических условий. Так, остается неясной для буржуазного литературоведения подоснова борьбы «американцев» и «лоялистов» в американской литературе, разрывавшаяся во время и после войны за независимость, остается необъясненным то нескрываемое отрицательное отношение буржуазной литературы к «американскому восточному штату» и к «американскому идеологу революционной мелкой буржуазии, отставшему от англофобии и американскому патриоту».

Так, если взять более поздний период, связанный с гражданской войной Севера и Юга, не удается современному буржуазному литературоведению объяснить познание «великого демократа» Уота Уитмена, вскрыть социальный смысл этого бурного взрыва прогрессивной мелкобуржуазной идеологии, не существовавшей и невозможной в Европе в таком сочетании преимущественно положительных элементов уже в начале столетия.

Так, наконец, рассматривая творчество наиболее выдающегося американского писателя конца эпохи промышленного капитализма, Марка Твена, нельзя пропустить мимо той упорной борьбы, которую писатель вел против перенесения в САСШ из Европы всечуждых идеологических и в частности художественных традиций, связанных с феодальными пережитками европейского капитализма. В «Простатках за границей», где Твен иронично-грубоватым юмором высмеивал преклонение европейцев перед «реалистическим прошлым», среди задорных бутафоров довольно невинного свойства нет-нет да и раздается резкий бесцеремонный окрик мелкобуржуазного демократа пуританской записки. «Мы посетили Лувр», — пишет Твен, — и осмотрели целые мли картины старых мастеров. Некоторые из них были прекрасны, но все они носили на себе признаки такого подальства этих великих людей, что мы получили от обозрения картин мало удовольствия. Их тошнотворное низкопоклонство перед титулованными покровителями показало мне действительно заслуживающим внимания и привлекло мой взор вернее, чем художественные достоинства картин. Демократ Твен был горячим поклонником идей Великой французской революции и даже не стеснялся защищать якобинский террор. Надо ли говорить, что европеизированная крупная буржуазия снисходительно третировала этого подлинно народного писателя с тем же надутым высокомерием, с каким она игнорировала Уота Уитмена, оскорблявшего ее деликатные нравственные чувства.

Исключительный по своим темпам прогресс американского капитализма грубо ликвидировал уже к последней четверти XIX века те своеобразные социальные условия, о которых говорил в приведенных выше замечаниях Маркс, однако, они оставили цепкие пережитки в сознании народных масс. Развитие американской литературы эпохи империализма, созданной системами городской интеллигенции, в значительной мере явилось отражением антикапиталистического протеста широких трудящихся масс деревни и города. На рубеже двадцатого ве-

ка, тешно пытаясь остановить колесо истории, защищая свободу и честь (а вместе с тем и предприсудки) мелкого самостоятельного производителя против покушений спрута-капитала, пионеры мелкобуржуазной литературы протеста, Крайн, Гарланд, Норрис не боялись отобразить волнующий их социальный конфликт в самых категорических формах. Позднее в девятисотых годах группа энергичных и талантливых писателей и журналистов мелкой буржуазии, получившая прозвище «разгребателей грязи», посвятила свое творчество систематическому разоблачению социальной практики крупного капитала в промышленности, в политике и в быту. Романы и памфлеты Э. Синклера, Г. Филиппса, Л. Стэфенса, Р. Геррика и др. отразили этот боевой период мелкобуржуазной литературы.

Между тем, господство крупного капитала, от которого думали отделиться мелкобуржуазные воители, укрепляясь с каждым днем, и очень скоро на авансцену выступила как реальная сила борьбы организованной рабочей класс — антагонист монополистического капитала. Последовавшая дифференциация мелкобуржуазной интеллигенции принесла значительную часть мелкобуржуазной литературы на службу капиталу, сблизив некоторых писателей с мелкой буржуазией и рабочей интеллигенцией, что дало американской литературе ряд произведений Синклера, Лондона и других, окрашенных в той или иной мере идеями социализма, и, что особенно важно отметить, лишила солеряжания, обеспокоила бунт основную ядру мелкобуржуазных писателей, оставшегося на старых позициях.

Пытаясь продолжить дело борьбы с капиталистическим строем жизни, с диктатурой крупного капитала, но не умея разорваться в отвергаемой действительности и не имея возможности противопоставить ей что-либо кроме возвращения к старым идеям, мелкобуржуазные литераторы пошли по линии сентиментальной критики «ИНДУСТРИАЛЬНОГО СТРОЯ ЖИЗНИ». Во всех бедах, оказывается, виновата была МАШИНА. Такая критика была ложной по самой своей сути, и все же она стала знаменем мелкобуржуазного протеста в литературе. Неудивительно, что мелкобуржуазная литература стала органически неспособной к адекватному отображению жизни в стране ПЕРЕДОВОЙ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, какой являлись САСШ XX века.

То, что порок всей мелкобуржуазной критики капитализма был действительностью ОРГАНИЧЕСКИМ, наглядно показала неудача «новой критики» капиталистической цивилизации, предпринятой уже после войны так называемыми «людьми 20-х годов», группой выдающихся мелкобуржуазных реалистов, немолодым уже Теодором Драйзером, Шервудом Андерсоном, Синклером Льюисом. Едва утих первый шум бурной атаки, как обнаружилось, что сами вожди наступления слупаны по рукам и ногам тенетами собственных внутренних противоречий и никакие они не смогут привести своих последователей. Путь каждого из трех бунтарей закончился тупиком.

Наблюдая жизнь через очки биологического фатализма, золотистый драйзер отдавал должное силе и ловкости хищника капитализма; однако, мучительно переживая в то же время сознанием гуманиста, он не мог не прийти к жестокому пессимизму и не уклониться от позиции отчаяния и недействительности. «Я не нахожу никакого смысла во всем, что я видел, и прохожу совсем, как пришел, в смятении и ужасе», — так формулировал этот неординарный искренний писатель итог десятилетия своего бунта.

Пессимизм же и безнадёжность скепсисом завершился поход Шервуда Андерсона против Машины, воплощенной для него все зло капитализма, подоточившей милый его сердцу патриархальный уклад жизни мелкого производителя. Отдав все свои творческие возможности лирической апологии задаланных капиталистической цивилизацией личных желаний и помыслов марклевских людей, Андерсон затерялся в мистике пола и в истерических шаманских заклинаниях своего искомого врага — Машины.

Напротив, противоречивость позиции С. Льюиса сказывалась в полнейшей неосновательности предлагаемого им оптимистического взгля-

ИЗДАТЕЛЬСТВА ДОЛЖНЫ ВЫПУСТИТЬ СОТНИ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННЫХ, АКТУАЛЬНЫХ, ХОРОШО ОФОРМЛЕННЫХ КНИГ

В КРУПНЕЙШЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Давно уже идет разговор о том, что издательства должны быть подлинными творческими центрами советских писателей. После недавно проведенной чистки парторганизации ГИХЛ, после того как комиссия по чистке в своих выводах и предложениях особенно «заострила» этот вопрос, превращение издательства в подлинно творческий центр стало неотложным делом ГИХЛ.

Обширный план подготовки ГИХЛ к с'езду писателей построен на основе предложения комиссии по чистке. Он предусматривает: работу издательства с квалифицированными писателями, работу с молодыми и начинающими авторами и работу с читателями.

В период подготовки к с'езду издательства будут проведены творческие вечера писателей И. Бабеля, М. Шолохова, Ф. Панферова, А. Фадеева, В. Ставского и В. Катаева. Возникает вопрос, почему намечены только вечера этих шести писателей? А где же В. Иванов, Л. Леонов, Г. Никитин, Н. Огнев, А. Беляя и др. Не следует ли план творческих вечеров значительно расширить, пополнив его хотя бы перечисленными писателями?

Ряд вечеров будет посвящен докладам на литературоведческие темы: «Ленин и вопросы языка», «Проблемы новеллы», «Проблемы художественной правды», и т. д., а также обсуждению критических монографий о Шолохове и Панферове.

Для активизации внимания писателей к работе политотделов МТС и совхозов и к работе железнодорожного транспорта будут организованы встречи писателей и редакторов с руководящими работниками этих учреждений. 3 декабря состоится такая встреча с начальником политотдела Усть-Лабинского МТС Северокавказского края Т. Караевым, с которым ГИХЛ заключил договор на книгу очерков о работе политотделов МТС.

Для молодых и начинающих писателей намечено устройство специальных докладов, бесед, лекций, экскурсий на выставки, театры, на строительные метро и т. п.

К с'езду будет издано десять книг и один сборник рассказов и стихов начинающих авторов. В частности, выйдут в свет работы ГИХЛ: «Специальная выездная работа МТС совхозов» и на новостройках. Большая выставка книжной продукции ГИХЛ будет развернута на с'езде писателей.

К с'езду писателей приурочен выпуск обширной серии литературы народов СССР. На одну только украинскую литературу издательство выделило свыше 80 печатных листов.

На днях в результате специального поездки на Украину издательством заключены договоры с Коцюбой на роман «Золотое руно», с П. Тычиной — на поэму «Сковорода», с М. Куликом — на сборник поэмы и стихов, с С. Левитиной — на поэму «Эта», с В. Коряк — на сочинение сборника украинской прозы и с Я. Горюхиным — на составление специального сборника произведений русских поэтов на Украине.

К с'езду выйдут также одноименный Шевченко в переводе Сологуба. Сейчас находятся в печати романы Эрика «Первая весна» и Ив. Ле «Интергал». Вышли из печати в 1933 году романы Смолича «По ту сторону сердца» и Головки «Мать».

Из произведений писателей Белоруссии будут изданы: книга Я. Корсака «Дрыгва», роман К. Черного «Родина» и сборник поэтов БССР. Сдана в печать новая поэма Я. Купала «Над рекой Оресой».

В серии еврейской литературы выйдут книги: Голинера «Человек с винтовкой» (обе части), П. Маринца эпопея «Братя» (в переводе Бродского), Финенберга «Стихи» и И. Харрика «Избранья».

ГИХЛ использовал приезд в Москву грузинских писателей для заключения договоров с Давидашвили, Мицишвили, Кладашвили, Ломтадзе, Л. Лордкипанидзе на издание их произведений. Возвращающаяся на днях из Тифлиса бригада Оргкомитета ССП по грузинской литературе привезет дополнительные материалы для ГИХЛ.

К с'езду выйдут также: большой роман бакинского писателя С. Тагирова «Солдаты», роман татарского писателя Ибрагимова «Дочь казак», повесть туркменского писателя Расханова «Последняя ночь», книга Атакулова армянского писателя Араза, повесть киргизского писателя Муханова «Ударица», сборник избранных произведений узбекского писателя Гебрат, сборник стихов туркменского поэта Тали Назарова «Батрака», книга чувашского писателя Башкирова «Золотая гора», художественно-этнографический очерк ассирийского писателя Гиварнизова «Ассирия и Октябрь» и сборник избранных произведений писателя Средней Азии Мулла-Назардина.

Кроме отдельных вещей национальных писателей выйдут в печать и сборники произведений писателей Казахстана, Дагестана, Осетии, Туркмени и Таджикистана.

П. Литературно-художественный отдел «Молодой гвардии» выпускает к с'езду «Дневник писателя Д. Фурманова», обработанный В. Ерило-вым, и роман Л. Авалова о новом человеке «Воспитание чувств».

В январе должен выйти первый номер альманаха «Молодость». К с'езду писателей будет приурочен второй номер, который по выпуску и содержанию будет с'ездовским.

Кроме этого будет издано несколько сборников творческих отчетов комсомольских писателей и поэтов первого призыва. Эти сборники частично будут построены на стенограммах выступлений писателей, частично на специально написанных статьях-очерках.

На с'езде писателей литературно-художественный отдел «Молодой гвардии» развернет выставку своей продукции за два года.

До с'езда писателей Детгиз выпустит шесть новых книг: две книги А. Барто «Спички» (оформление художника Дехтерева) и «Зверь Дурова»; книжка стихов Пушкина; книжка о корейском мальчике художницы Редляк; книжка В. Смирнова «Ленин» и Н. Кальма «Свято».

Кроме новых книг до с'езда будет переиздано 18 книг в совершенно новой оформлении. Это пять книг С. Маршак, три книги А. Барто, книги Н. Венгрова, Л. Гассиля, К. Чуковского, В. Бианки, Л. Саконой, Федорченко и др.

Институт ЛЯИ Комкадемии готовит сборник «Октябрь» и интернациональная литература, отражающая влияние Октябрьской революции и на культурный строй за рубежом, в первую очередь на писательские кружки за границей.

В 1935 году на Новой Мясницкой улице (между старой Мясницкой и Лубянской) будет возвышаться огромный 22-этажный дом ОГИЗ. 350.000 кубических метров — объем этого гиганта. В доме ОГИЗ разместятся все основные советские издательства. В нижних этажах — помещения для экспедиций издательств и большой универсальный магазин книги. Сейчас строительство — на ходу. В одной части дом ОГИЗ будет 22-этажным, в других частях 16-и 6-этажным. Часть дома (шестнадцатиэтажная) уже выстроена.

В процессе строительства дома издательства возникла идея о привлечении к строительству Оргкомитета союза советских писателей СССР. Из общей полезной жилой площади (75.000 кв. метров) Оргкомитет в новом доме может получить 5-6 тысяч квадратных метров. Здесь смогут разместиться все писательские организации, клуб писателей, большая библиотека, столовая, специальная писательская выставка и т. д.

Секретарь Оргкомитета, заслушавший сообщение главного архитектора строительства дома ОГИЗ т. Висковского, поручил административно-хозяйственному отделу в десятидневный срок детально ознакомиться со строительством дома ОГИЗ и наметить формы участия Оргкомитета ССП СССР в строительстве. Затем Оргкомитет примет окончательное решение по вопросу о совместном строительстве Дома издательства и советской литературы.

МТП даст 30 книг. Основная творческая работа с писателями должна быть сосредоточена в издательстве. Эту задачу неоднократно выдвигал перед издательствами Оргкомитет.

Каждому декаду группам МТП проводить не менее двух-трех творческих вечеров. Обсуждать рукописи, издаваемые книги молодых авторов, издаваемые книги молодых писателей, критиковать старые произведения. Самых 20 книг молодых авторов выйдут МТП в этом году.

Около 30 книг выйдут МТП к писательскому с'езду. Впервые в этом издательстве будут выпущены четыре книги переводов произведений украинских писателей: Кузьмич «Турбины», Петро Панч «Правда о смерти» (гражданская война на Украине), Ер. Эпик «Петро Ромэн» (ХПЗ), Усенко «Стихи» и книга Волкештейна «Четыре образа» (перевод с еврейского).

На колхозные темы МТП даст три книги: Е. Пермитин «Враг» (вторая книга «Котли»), И. Шухов роман «Новоселье» (колхозы Средней Азии), К. Львова «Великий перевод».

На интернациональные темы две книги: И. Бехер «Человек, который верит» (стихи о Германии), Бела Иллеш «Стихи горист» (три части). По разделу поэзии МТП выпустит пять книг: Леонид Бедный «Молодость», А. Архангельский «Литературные пародии», А. Чачиков «Семь республик» (дополненное издание), Швецов «Литературная сатира», Гофштейн «Стихи».

Массовым тиражом к с'езду будут изданы две книги молодых авторов: Масимов «НТ-2» и В. Толстой «Люди, которые стоят» и книга А. Новикова-Грибова «Бегство» (фрагменты из второй книги «Лусемия»).

Но к писательскому с'езду Московское товарищество писателей почти не даст книг о красной столице (за исключением книги Д. Бедного и альманаха). Совершенно недостаточно представлена и сельскохозяйственная тематика (только 3 книги). Нет ни одной поэмы для деревни.

Издательство слабо привлекло внимание писателей к московской тематике. Оно должно пересмотреть свой план.

МТП должно дать к писательскому с'езду хотя бы несколько новых книг о социалистической Москве.

СЕМНАДЦАТОМУ С'ЕЗДУ ПАРТИИ ПО ТЕЛЕГРАФУ ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

К XVII партийному с'езду ЛенГИХЛ приурочивает выпуск первых книг полного академического издания Салтыкова-Щедрина. Детгизом намечен специальный выпуск альманаха «Костер», в «Издательстве писателей» выйдут книга Добина «Ленин и искусство», а также художественно оформленная брошюра-каталог книжной продукции издательства за шесть лет.

Делегатам с'езда будет преподнесено выходящее в январе в «Издательстве писателей» художественное издание книги «Четыре поколения» история Нарвской заставы, написанная коллективом рабочих-авторов (около двухсот человек) и оформленная лучшим художниками. Для делегатов областной партийной конференции «Издательство писателей» выделит образцы новых книжных серий.

В ВРЛУ молодыми писателями, рабочими-литтрукжовцами Москвы, было подано 400 заявлений. В университет принято 130 человек. Все принятые товарищи печатались в многотиражных газетах, журнале и газетах в центральных учреждениях и имеют уже отдельные книжки.

Из слушателей: рабочих — 86, служащих — 36, красноармейцев — 9. 26 ноября под председательством т. Ставского в Оргкомитете ССП состоялось заседание комиссии по приему в университет.

Комиссия утвердила список слушателей университета и его учебный план. В обсуждении плана и списка слушателей приняли участие т. Ф. Гладков, Огнев, Сурков, Ефремин, проф. Соколов, Еглов, Плещко, Колесников, представители сектора по работе с молодыми писателями и представителями издательства.

На заседании было отмечено неудовлетворительное участие кабинета рабочего-автора Профиздата в комплектовании университета. 1 декабря ВРЛУ начнет свою работу.

НОВЫЕ КНИГИ, ВЫСТАВКИ

План работы к всесоюзному с'езду писателей в Детгизе намечен пока чернее. Пока намечено выпустить к с'езду шесть специальных изданий: пять иллюстрированных сборников произведений лучших писателей (А. Барто, С. Маршак, К. Чуковский и др.) в 10—15 печатных листов каждый и теоретический обобщающий труд, подводящий итоги развития детской литературы за весь советский период. Книга эта будет составлена совместно с Критико-библиографическим институтом на материалах переписки с авторами, обширной картотеки (14.000 карточек) аннотаций и рецензий и т. п.

До с'езда будет организована Детгизом вторая выставка по оформлению, посвященная только рисунку. Эта выставка будет построена по принципу хронологического показа творчества художников и влияний различных теоретических течений в искусстве.

На самом с'езде писателей Детгиз устроит выставку собственной продукции, которая выйдет с момента его организации до с'езда.

До с'езда писателей Детгиз выпустит шесть новых книг: две книги А. Барто «Спички» (оформление художника Дехтерева) и «Зверь Дурова»; книжка стихов Пушкина; книжка о корейском мальчике художницы Редляк; книжка В. Смирнова «Ленин» и Н. Кальма «Свято».

Кроме новых книг до с'езда будет переиздано 18 книг в совершенно новой оформлении. Это пять книг С. Маршак, три книги А. Барто, книги Н. Венгрова, Л. Гассиля, К. Чуковского, В. Бианки, Л. Саконой, Федорченко и др.

Институт ЛЯИ Комкадемии готовит сборник «Октябрь» и интернациональная литература, отражающая влияние Октябрьской революции и на культурный строй за рубежом, в первую очередь на писательские кружки за границей.

Комитета решила взять под свое наблюдение выходящий к писательскому с'езду сборник «Советская художественная литература за рубежом», выходящий под редакцией С. С. Динамова. В этом сборнике будут широко представлены отзывы иностранной буржуазии и коммунистической печати о книгах 70 советских писателей, изданных за границу. Десять очерков советских писателей, ездивших за границу, охарактеризуют состояние двух культур — советской и западной. Крупнейшие революционные писатели (Теодор Драйзер, Джон Дос Пассос, Анри Барбюс, Ромен Роллан и др.) напишут в сборник свои статьи и отзывы о советской книге.

Институт ЛЯИ Комкадемии готовит сборник «Октябрь» и интернациональная литература, отражающая влияние Октябрьской революции и на культурный строй за рубежом, в первую очередь на писательские кружки за границей.

Комитета решила взять под свое наблюдение выходящий к писательскому с'езду сборник «Советская художественная литература за рубежом», выходящий под редакцией С. С. Динамова. В этом сборнике будут широко представлены отзывы иностранной буржуазии и коммунистической печати о книгах 70 советских писателей, изданных за границу. Десять очерков советских писателей, ездивших за границу, охарактеризуют состояние двух культур — советской и западной. Крупнейшие революционные писатели (Теодор Драйзер, Джон Дос Пассос, Анри Барбюс, Ромен Роллан и др.) напишут в сборник свои статьи и отзывы о советской книге.

Институт ЛЯИ Комкадемии готовит сборник «Октябрь» и интернациональная литература, отражающая влияние Октябрьской революции и на культурный строй за рубежом, в первую очередь на писательские кружки за границей.

Комитета решила взять под свое наблюдение выходящий к писательскому с'езду сборник «Советская художественная литература за рубежом», выходящий под редакцией С. С. Динамова. В этом сборнике будут широко представлены отзывы иностранной буржуазии и коммунистической печати о книгах 70 советских писателей, изданных за границу. Десять очерков советских писателей, ездивших за границу, охарактеризуют состояние двух культур — советской и западной. Крупнейшие революционные писатели (Теодор Драйзер, Джон Дос Пассос, Анри Барбюс, Ромен Роллан и др.) напишут в сборник свои статьи и отзывы о советской книге.

1 ДЕКАБРЯ В МОСКВЕ ОТКРЫВАЕТСЯ ВЕЧЕРНИЙ РАБОЧИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Литтрукжовцев, литературный молодой человек, настойчиво стучится в двери литературной школы повышенного типа. Он требует гаукобой и систематической учебы. Он хочет получить высшее образование применительно к особенностям своего литературного труда.

Вечерний рабочий литературный университет и должен явиться той литературно-творческой формой учебы, которую требует литературный молодой человек.

Литературный университет должен на основе углубленной творческой и теоретической работы помочь молодым рабочим-писателям овладеть специфичной художественного слова, повысить их культурный и политический уровень. Университет рассчитан на охват наибольшего числа литтрукжовцев, именно той их части, которая уже прошла подготовительную ступень литературной учебы в литтрукжах и выявила себя в печати.

Для подготовки творческих работников в области художественного слова литературный университет организует учебу на следующих принципах: теоретическая учеба слушателей должна быть организована так, чтобы все теоретические курсы служили непосредственной подготовкой к осмысленной творческой практике учащихся; творческие занятия (практика) слушателей должны быть основаны на теоретических знаниях и возникать из опыта практической работы на производстве.

Учебный план ВРЛУ складывается из следующих этапов: теоретические занятия по социально-экономическим и литературным дисциплинам; творческие семинары с систематическим (организованным) привлечением крупных мастеров слова для лабораторного изучения их творчества; организованные творческие поездки на новостройки, МТС, совхозы и т. д.

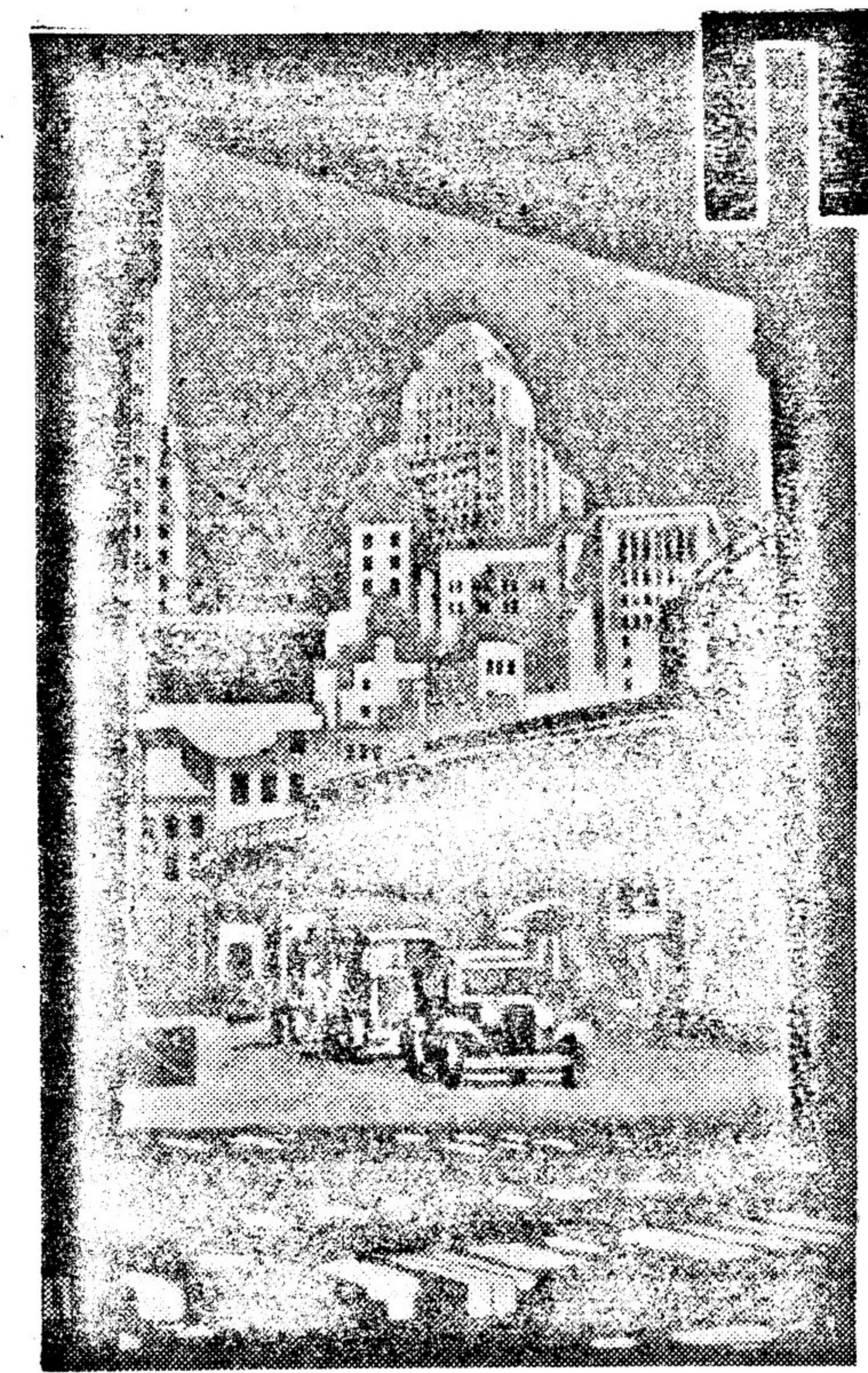
К участию в работе ВРЛУ приглашаются видные научные и творческие работники. Для создания единого плана работы и максимальной организации занятий теоретических и творческих в начале академического года будет проведен ряд специальных совещаний по вопросам учебного плана, программ и методов работы.

Г. ФЕДОСЕЕВ

ПРИВЕТСТВИЕ Т. В. СТАВСКОГО

Страна идет от советской литературы новые высокохудожественные произведения, отражающие героическое строительство социализма. Мобилизуйте свои молодые творческие силы на решение этих задач! Литтрукжовцы, ударники на производстве, должны быть ударниками в учебе и в творческой работе.

Университет поможет вам в этом! Желаю лучших творческих успехов!

ЛУИ ЛОЗОВИК — фабрика АВЕНЮ В НЬЮ-ИОРКЕ.

ИСКАТЕЛИ И КНИГИ

ЛИТЕРАТУРА САСШ

Четыре года кризиса в корне изменили лицо американской литературы. Аполонгеты и певцы американского «демократизма», последние продолжатели мелкобуржуазных утилитарных традиций, такие писатели, как Роберт Фрост и Уильям Кэссер, — постепенно сходят со сцены. Потенциально быта американских фермеров, ластовальные картинники Новой Англии, характерные для поэзии Фроста; романтика освоения «дикого Запада» у Кэссера, — становятся вчерашним днем для литературы Америки. На сегодняшний день для буржуазной американской литературы основным и определяющим становится творчество других писателей — Робинсона Джефферса, Уильяма Фолкнера, Эрнеста Хемингуэя, Юджина О'Нейла, уже не пытающихся в какой бы то ни было форме поддерживать рущиеся традиции американской «демократии».

У нас еще не так давно было распространено представление, что американская буржуазная литература опирается на литературу буржуазной Европы своего сравнительно непосредственного, примитивного, даже наивного. В действительности, пресловутые «счастливые концы» и кинематографические авантюры массовой американской беллетристики далеко не исчерпывают собой содержания современной буржуазной литературы Америки. Достаточно ознакомиться с последними романами Фолкнера и Хемингуэя, стихами Джефферса, драмами О'Нейла, чтобы убедиться в том, что американская буржуаз-

ная литература сегодняшнего дня создает произведения такого рафинированного, изощренного укладочничества, такого циничного пессимизма, которые ни в чем не уступят европейским образцам.

Разочарование в людях, в человечестве в целом, — основное содержание поэзии Робинсона Джефферса, которого американские критики считают одним из наиболее оригинальных и талантливых представителей современной американской поэзии. «Выйти за пределы человеческого», «сплывать с человеческого» — таков постоянный мотив его лирики. Человек, — по одному из определений Джефферса, словенно называет в свои спокойные минуты, подл в своих удовольствиях, раблен в массе... Единственное, что оправдывает его существование, — это его способность к страданиям, преступлениям и смерти, страдания в какой-то «космической» форме составляют постоянную неизменную тематику Джефферса.

В творчестве романиста Уильяма Фолкнера это болезненное внимание к страданиям и к человеческой боли, принимает характер явного садизма. Патологические извращения, смерть, насилие, линчевание, сумасшествие, убийство — составляют неизбежные эпизоды каждого его романа. Один из более поздних романов Фолкнера «Лежа на смертном одре» (1930) может дать наилучшее представление и об излюбленной тематике автора, и об его творческом методе. Старуха Эдди Бандера, лежа на смертном одре,

требует, чтобы семья похоронила ее труп в ее родном городе Джефферсоне. Открывается похоронное шествие; но в округе разлиты реки, и путешествие загнивает, чуть ли не на две недели. Все время в центре романа — гроб с разлагающимися трупом старой Эдди.

«Мертвый встает живым». Поднимаясь опрочнувшись во время переезда телу с гробом, один из сыновей Эдди ломает ногу; у него открываются гангрена, и он занематает путешествие, лежа на гробе матери. Излишне перечислять остальные эпизоды романа, чтобы составить представление об его обилии. Оди и те же события проходят при этом перед читателем по несколько раз, поскольку автор показывает их через призму сознания (через так называемые «внутренние монологи») своих различных персонажей, — в большинстве случаев дегенератов, полиудовольно или врожденных преступников. Недавно опубликованный в «Литературе» перевод романа Фолкнера «Волы и просты» может служить примером этого его творческого метода, в области которого он тесно примыкает к так называемой школе потока сознания, оказываясь тем самым непосредственным продолжателем Джойса, Гертруды Штейн и др. Но основная специфика творчества Фолкнера не столько в этом методе (который он, кстати сказать, пользуется далеко не в каждом романе), а в его тематике, в его патологическом идейном содержании.

Действительность, изображаемая Фолкнером, — это по существу та же социальная действительность, которую изображали его предшественники, мелкобуржуазные «писатели двадцатых годов», но действительность, ступенчатая, возвышенная в N-ую степень, до пределов кошмара.

Эрнест Хемингуэй — одна из самых прагматичных фигур современной буржуазной литературы Америки. Его роман «Солнце также восходит» Хемингуэй открывает эпоху, знаменитую в Гертруды Штейн: «Все мы — потерянные поколения». В этих словах, может быть, ключ к пониманию всего творчества Хемингуэй. Хемингуэй, как и Дос-Пассос, принадлежит к тем американским писателям, которые впервые ступили с действительностью через мировую войну. Но для творчества Дос-Пассоса это столкновение сыграло социально оплодотворяющую роль; для Хемингуэй же оно оказалось шоком, последствия которого определяли собой все его творчество.

Проблема бессмысленной жестокости жизни, проблема смерти — основное в творчестве Хемингуэй. Позиция Хемингуэй — позиция художника, чувствующего себя выброшенным из жизни, мило которой жизнь проходит, не давая ей «Я вижу, что если выпить, то жизнь после этого начинает походить на то, чем она была всегда. Я знаю, что сейчас все меняется, но мне все равно. Для меня уже все изменилось. Пусть все меняется. Нас все равно уже не будет на свете, прежде чем все это изменится слишком сильно».

Последняя вещь Хемингуэй «Смерть после полудня» (1932) — страшная книга, документ глубочайшего распада буржуазного искусства. Книга охватывает маленький отскок жизни — бой быков в Испании. Но в глазах Хемингуэй бой быков, искусство матадоров приобретают глубокий мистический смысл.

Американская буржуазная критика любит пугать революционных писателей призраком творческого бесплодия, будто бы неизбежно угрожающего им в результате их перехода на сторону революции. Но каждому, знающему лицо американской литературы последних лет, с каждым днем становится все более ясным, в каком ее лагере надо искать прозвонивший настоящего гудящего творческого кризиса — в лагере кризиса роста, а кризиса застоя и загнивания. Для писателей, остающихся союзниками и апологетами буржуазии, будущее не готовит ничего, кроме еще большего творческого опустошения и распада. Для революционизирующих писателей писательский переход на сторону претерпевает, ставя перед ними новые проблемы, новые трудности, открывает им в то же время новые широчайшие творческие перспективы.

Теодор Драйзер пришел к революции так же, как создавал свои монументальные романы — через накопление огромного материала и опыта, тщательное и кропотливое изучение фактов. Именно потому так велики и значимы многочисленные антиконтрастистические выступления Драйзера, начиная с «Трагической Америки» (1931) и кончая последними статьями, что все они основываются не только на чисто эмоциональном оттаивании мелкобуржуазного художника от капиталистического писателя, но и на глубоком изучении окружающей его социальной действительности. В то же время именно эти особенности творческого метода Драйзера неизбежно замедляют процесс претворения его новых революционных установок в художественную форму.

Теперь, в годы кризиса, Драйзер после долгого перерыва снова возвращается к работе над «Стоноком» — заключительной частью «Трилогии желаний». Помимо этого, за последний год Драйзером опубликован ряд мелких стихотворных и беллетристических произведений. Борьба за преодоление мелкобуржуазного индивидуализма с его иллюзиями личного процветания — основная задача, над разрешением которой работает за последние годы Драйзер.

От такого сложнейшего художника как Драйзер, творческие традиции которого измеряются целым тридцатилетием, вряд ли можно ожидать быстрой коренной творческой перестройки. Иные преобразования можно предвещать к более молодому поколению революционизирующихся мелкобуржуазных писа-

СИНКЛЕР ЛЬЮИС и ДЖОН БЭББИТ

Синклер Льюис, один из сильнейших современных американских писателей, — не только замечательный писатель, один из американских «больших пяти» в области литературы, лауреат нобелевской премии, прекрасный стилист, мастерски владеющий оружием тонкой иронии, моменты переходящей в бичующую сатиру. Оказавшись, он кроме того и порождение той «американской индустриальности, умственной извращенности и наркотического мышления, каковые характерны для новейшей американской литературы... этой собранной в одно место гнилой кучи стоков нечистот, излучающих из себя зловонный запах Нью-Йорка и Чикаго. Оказавшись, он, Синклер Льюис, участник «банды сифилитических крыс», «дымчатой шапки извращенных наркоманов», ведущих нападение на все, что дорого сердцу «белых, северных рас человечества».

Мы, конечно, понимаем, что наш читатель не привык к этой крепости выразитель, к этой благоуханной забре существительных и прилагательных, и просим извинить нам приведенные цитаты. Мы привели эти цитаты не только для того, чтобы показать, что уже не несколько лет назад опытные американские фашисты умели выражаться отнюдь не слабее нынешних германских фашистов. Скорей для того, чтобы иллюстрировать ненависть, питаемую к Синклеру Льюису в некоторых кругах (фашизированных кругах) американской мелкой буржуазии, ненависть, граничащую с умозаступлением. Синклер Льюис не только один из сильнейших американских писателей, он, безусловно, наиболее ненавидимый в этих кругах писатель. И тут он может гордиться, по праву сознавая, что его голос — не в пустыне, а в гласе с громадным, неистощимым резонансом.

А между тем в этой паседе блестящих американских писателей первой четверти XX века, критически подолещивших к современной им действительности и переосновывая ее ценности, в окружении которых создавался, рос, жил, умирали американский мелкий буржуа — Синклер Льюис отнюдь не самый непримиримый, далеко не самый беспощадный, совсем не самый гневный. Драйзер, например, гораздо глубже, систематичней, тяжелее врывается в моральные основы и подоснова бытия мелкого буржуа и больше гнилы вытаскивает наверх — у Драйзера зубы широки и могут, как железные лопаты... Энтон Синклер, да же, сознательней ведет свою борьбу, чем Синклер Льюис, хочет больше ударить и умеет больше ударить — недаром он больше памфлетист и публицист, чем художник.

Шервуд Андерсон, этот американский Фрейдом и отчасти Марксом, гораздо несравненно пессимистичней дал свой анализ: ведь «Уайнсбург, Охайо» — не только сборник коротких новелл, но и коллекция скорбных листов... Эрнест Хемингуэй, у нас, к сожалению, еще не переведенный, — рыцарь слова, эстет, джойст и, однако, вопреки себе обличитель, — он, на взгляд охранительней устоев нормального буржуазного существования, опасней Льюиса, ибо соблазнительней, вкрадчивей, ядовитей... И, наконец, Джон Дос-Пассос: кто же в Америке не видит, не знает, что Пассос, интеллигент, ставший бойцом, содранный с себя — с мясом, с кровью — липкую паутину буржуазного гуманизма, что он больше, чем кто-либо когда-либо в американской литературе, противопоставил себя в эмоцию и сознание миру, который подлетает уничтожению, больше, чем кто-либо, считает творчеством свое оружие борьбы...

И, однако, не эти пятеро, и не Дос-Пассос в частности, сосредоточивают на себе маниакальную под-

час злобу фашизирующегося американского мещанина, а именно Синклер Льюис.

А во всех произведениях Льюиса наиболее обильное выделение злобной слюны вызывает как раз самое «тихое» произведение — «Бэббит». Самое тихое, ибо несомненно, что «Главная улица» — это художественный документ большого социального значения и охвата, «Мартин Арроусмит» — художественно сильней, трагичней, красочней, «Элмер Гантри» и «Энн Викер» (этот последний роман почему-то еще не переведен на русский) — памфлеты, гневней, сатирически заостренней... И, однако, именно «Бэббит» — та пощечина, следы которой горят до сих пор на физиономии мелкого буржуа. Конечно, потому что в этом тихом, мягкой, любовной, пожалуй, ироничной, насыщенный роман, гуманный, в сущности говоря, романе Льюису удалось сделать в других романах своих, чего сделать не удалось ни одному из современников его: создать тип и оригинальный обобщением превратить свое собственное в имя нарицательное. Термины «бэббит» «бэббитство» получили право гражданства в американском языке, вышли за рамки романа, бытуют... Вот этого и не могут простить Синклеру Льюису фашизирующиеся бэббиты американской действительности.

А между тем не гневную страсть, не яростную насмешку, не жгучую издевку мобилизовал Синклер Льюис, создавая Бэббита. Он ни в какой степени не Вольтер, не Гейне, не Салтыков, не в этих качествах специфика его таланта. И к Бэббиту своему он относится, если хотите, с некоей иронической симпатией и, во всяком случае, с большим подлинным гуманитарным уважением.

И вот в этом-то, оказывается, все дело, незабываемый, непростительный с точки зрения американского мещанина, грех Синклера Льюиса. Почему же с жалостью, — спрашивается он в трагико-комическом недомыслии... Вот Джорджи Бэббит, приятный, кругленький, пожалуй, симпатичный человек лет сорока с лишним, у которого совсем неплохая жена, совсем неплохие дети, прекрасное социальное и материальное положение, обеспеченный заработок доходящий до 20 тысяч долларов в год (таким заработком могут похвастаться в его возрасте немногие), — с удовольствием констатирует сам Бэббит, — в своем кругу его уважают, ценят, любят, он сам с увлечением относится к своей профессии агента по продаже недвижимостей, ощущение громадного достояния ему все приятные мелочи жизни...

— Так какое же право имеет этот писатель отписываться к мистери Джорджи Бэббиту, зарабатывающему 20 тысяч долларов, с этой не приятной, почти презрительной жалостью, — спрашивают себя и друг друга в тоске и тревоге многочисленные Бэббиты...

И вчитываясь в роман, участвуя в душевных страданиях и тревожениях дядюшки Джорджа, живущая в его жизненный опыт, сочувствуя ему и сопереживая (таков результат прозаического мастерства Льюиса), видит, осознает и чувствует многочисленные Бэббиты: да, прав, прав проклятый писак, имеет он право на синклюдительно-презрительную жалость к нему и к нам.

Имеет право, ибо жалок мистер Джордж Бэббит, владеет 20 тысяч долларов. Жалок и ничтожен — как только может быть жалок и ничтожен человек. Ибо в этой «свободной стране» он — раб, хотя он не негр, хотя есть у него прекрасная контора в центре города, и автомобиль новой марки, и самое прочное и изящное нижнее белье, и усовершенствованный закатка для сигар, за которую заплатил он пять долларов. Раб, и трусливый раб.

Все у него сделано, все связано, все склеено. Торую свою он носит с собой, всегда и везде, и она тем страшней, что никто ее не замечает, да и он сам не замечает, пока не спросит себя: да свободен ли я? Спроси — и увидишь, и ощутишь с такой предельной ясностью, как никогда ничего в жизни не ощущаешь: да, раб, да, в тюрьме...

В тюрьме бессмысленности и беспечности, в тюрьме паутинной лжи, вязкой путаницы, ничемной еднотенности, издающей сильнейшие, торые, какую не выстроят ни одно государство, а строит сам человек себе, тюрьме имя которой, «жизни мышья беготня».

«Что ж, что мистер Джорж Бэббит попал в такую неприятную тюрьму — это его частное дело», — пытаются притвориться многочисленные Бэббиты, читающие «Бэббита». Но нет, не выходит, — чувствуют они тем отчетливее, чем дальше читают эти такие тихие и как будто такие легкие и невнятные страницы романа. Не выходит, ибо ничем ведь он от них и они от него не отличаются, такой он самый обыкновенный, самый настоящий, такое он не уродливо, не

и Бэббиты жить не могут. Да и не позволено им жить там Бэббитами сделанный общественный строй, — роман Льюиса поднимается на уровень глубоко значительной социальной сатиры, — и Бэббит возвращается с Бэббитами назад, в тюрьму. Роман кончен, прочитана последняя страница, и, закрывая книгу, не могут не подумать Бэббиты, если они когда-либо что-либо в жизни думали: «Да, мы жалки, ничтожны, никчемны, и непонятно, какое право мы имеем существовать».

«Внезапно старый картонный домик обрушился, — пишет американский критик Менкен, — и обитатели домика выбежали в ночных одеяниях на улицу с воплем «полицейские», — таков был эффект одной американской литературы, созданной после войны, и в частности «Бэббита». От критик «полицейские» недалеко и до той слюны бешеной собаки, образчики которой были приведены выше. Но этой слюны не испугался ни Синклер Льюис, ни переводящая американская интеллигенция, по праву считающая, что нынешняя американская

литература по безжалостному и суровому своему реализму, по широте проблемного охвата, по простоте и непримиримости анализа и по художественной своей силе занимает, пожалуй, ведущее место в современной литературе капиталистического мира. И, что еще важнее, — и этому способствовали последние годы кризиса, — новая американская литература не является литературой для немногих. Давно позади те времена, когда американский литератор был либо поставщиком смасшедше-бессмысленного чтива, либо дешевого развлечения, либо лакомых блюд для литературных гурманов. Не только американский радикальный интеллигент, но и средний и мелкий буржуа начали думать, стремясь понять, в чем же уродливости их быта и строя, и за помощью обращаются к литературе. Она помогает — лучше представляет, ее помогают разоружать — разрушая одну за другой все иллюзии буржуазного бытия. И автор «Бэббита», быть может, сам не зная и не желая того, свидетельствует, каким страшным оружием разрушения может быть художественное творчество.

Но и оружием создания, — это знаем мы. Однако из оружия разрушения в оружие создания не смотря ее, очевидно, превратить, ни Синклер Льюис, ни другие: история задания строительства нового мира предуд — уже приходит другое — из новых социальных категорий, с новым творческим мироощущением...

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

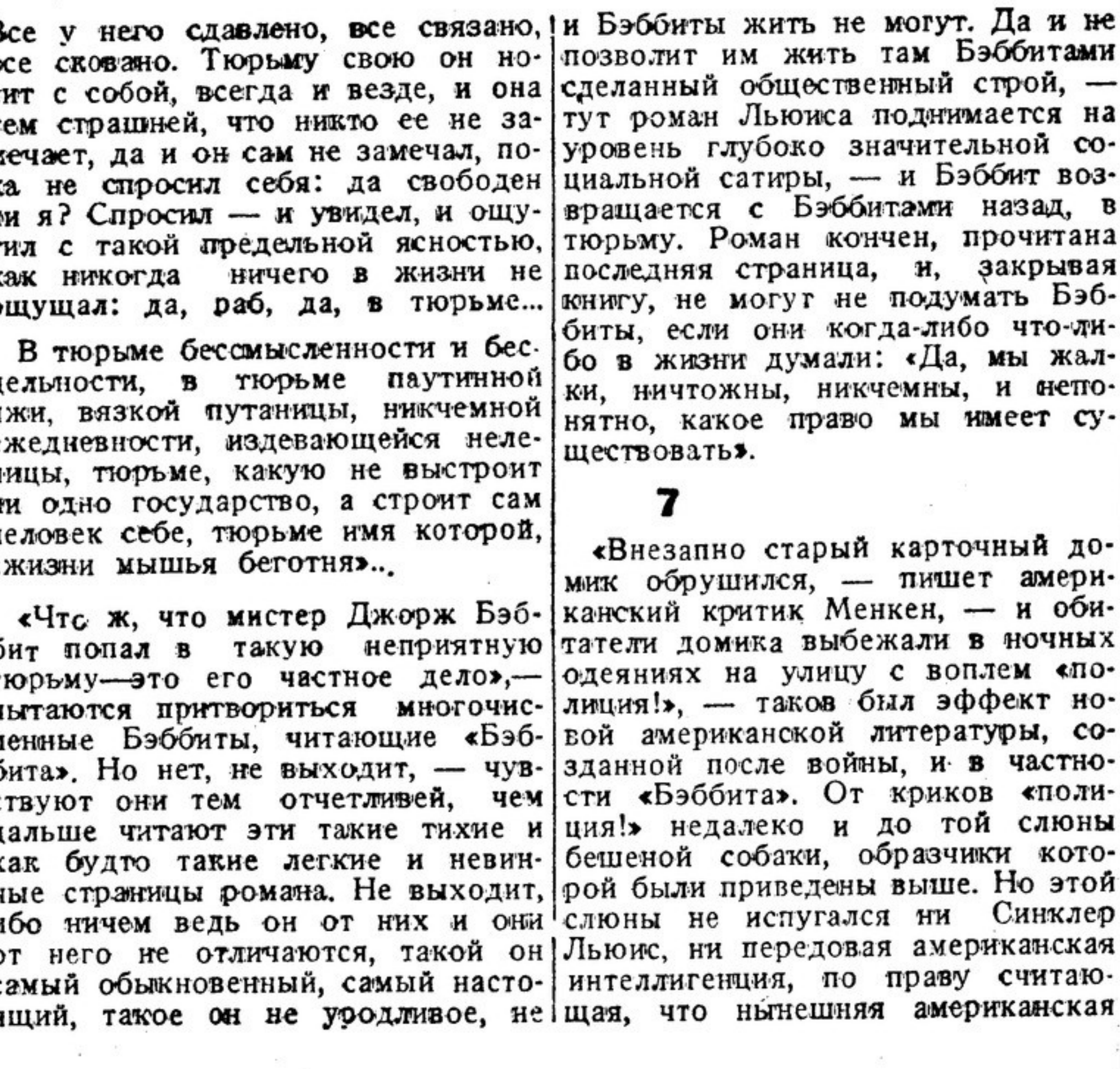
Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

Мих. Левидов

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

ДЖОН БЭББИТ

СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

„ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ“

Ее домашняя жизнь оставалась желать очень многого. Мать — мягая, спокойная, сентиментальная женщина, почти совсем не знала жизни. Отец — полунравственный голландец родом, отпрыск семьи, где-то и когда-то что-нибудь, может быть, и представлявший, работавший теперь здесь, в этом маленьком городке северо-западной Америки, в качестве слесаря, но постоянно зарабатывавший свои деньги в торжественные дни, раз или два в год, обделаясь в праздничную пору; считал, что умеет играть на скрипке, и любил рассказывать грязные анекдоты, не стесняясь присутствием своих детей. Казалось даже, что испытываемое им при этом смущение доставляло ему особенное удовольствие. Среди мужчин он слышал за порядочного труса; дома же любил наводить страх на свою жену и взыскать на ее плечи главные заботы по добыванию средств к существованию. Она сдерживала мебелированные комнаты, и это и было их главным доходом.

Первые впечатления обыкновенно самые острейшие. Когда я в первый раз увидел Рейну, она показала мне очень пустынную, но я не сказал бы «глухой» особой. Маленькая шляпа, тонкая надувчатая, но все выходящая светоблоку, рясно, очевидно, бесценные химическим способом волосы, и светлосерый, очень светлый костюм, спускавшийся всего только на один или два дюйма ниже колен, производили очень гармоничное впечатление. У нее была привычка стоять широко расставив ноги и закинув голову, причем ее серо-синие глаза сверкали безудержной жаждой жизни. «Живости в ней, во всяком случае, много», — сказала я себе. — «Очень много». Она любила рассказывать разные забавные истории, почти всегда вульгарные, но вызывающие искренний смех. Казалось непонятным, как она могла находить в себе достаточно смелости, чтобы пересказывать их с таким невозмутимым спокойствием. Для этого надо было бы, казалось, перестать себя уважать. Но дело в том, что во всех этих историях специфически чувственное и пошлое было во втором плане — в них грубо, но в то же время звучало здоровое юмором и этот юмор и вдохновляющую рассказчицу. Будет правильно, если я скажу, что она была бессознательно и временами до очаровательности вульгарна. Это может казаться парадоксом, но в действительности никакого парадокса тут нет.

Ее старшая сводная сестра Рода была в полном смысле этого слова красивой и очень развитой и умной девушкой. Ее красота создала ей имя в кино, но это не помешало ей сохранить все природные свойства своего мягкого характера, не сделало ее ни грубой, ни вызывающей, ни излишне предприимчивой. Ее натура нуджалась в теплых домашних привязанностях и в искренних дружеских отношениях.

По выходе замуж Рода уехала из своего родного городка и не видела с сестрой в течение целых пяти лет. А в это время успела выйти замуж и Рейна.

Задолго до того, как я с ней познакомился, я много слышал от Роды об этой интересной, удивительной и интересной девушке. Она была молода, привлекательна, полна жизни, любила спорт, прекрасно ездила верхом и к сестре питала искреннюю привязанность. Замуж она вышла за молодого помощника заведующего местным лесничеством. У них был свой собственный маленький домик в одном из отдаленных лесных участков Вашингтона, но Рейна, привыкшая к столичным удобствам Споканса и Ситтля, скоро устала от однообразия жизни в лесной глуши и бежала оттуда. Ее муж, будучи, очевидно, не в силах жить без нее, поврал с лесным делом, давшему ему четыре тысячи долларов в год, и последовал за ней. В течение своего трехлетнего замужества она дважды бросала его таким образом, и это в силу того, что условия той жизни, которая завала ему желаемый заработок, были ей не по вкусу. И оба раза он поврал со своим делом и отправлялся за ней в тщетной надежде убедить ее вернуться. Неизменно, в силу самого своего темперамента, он мог без нее обойтись. По истечении некоего времени, когда я лучше узнал ее и его, понял, какой она была в некотором отношении сумасшедшей и как могла раздражаться и изводить людей, — я отдал себе отчет в том, что заставляло его любить ее и дорожить ее присутствием. Она была полна здоровья, энергии, веселости, молодости и в его глазах являлась воплощением всех этих качеств. Но всякий раз, когда обстоятельство складывалось не в их пользу и им приходилось переживать трудные времена, она вместо того, чтобы оказывать ему нравственную поддержку, старалась до крайности усложнить управление, несносной ухаживающей женщиной.

Муж ее, Свэн, когда я с ним познакомился, было не больше двадцати пяти лет. Это был красивый, приятный мальчик, энергичный и честолюбивый. Он обладал природным тактом и общительностью, но не получил никакого образования. Его отец, шведский крестьянин и поденный рабочий, не позаботился, очевидно, даже о том, чтобы дать своим детям самое скромное школьное образование. Как мне говорили, он даже торговал все их желания в этом направлении, а в результате Свэн, который 15-летним мальчиком убежал из родительского дома, говорил на таком английском языке, на котором говорил с детства сам и на котором говорили все его домашние.

свое красноречие и внимательно следить за разговором тех, кто выразился правильно, стараясь им подражать, чего отнюдь нельзя было сказать о Рейне. По своей профессии он был хорошим лесником, обладал большими практическими сведениями, касавшимися леса и его обхода на рынке. Помимо этого он прекрасно знал также и гаражное дело, постигнув все тайны автомобильной и мог работать в качестве заведующего гаражем. В общем про него можно было сказать, что он готов был ввязаться за любую работу, лишь бы выбиться на дорогу.

Но если Свэн плохо знал английскую грамматику, то речь Рейны тоже отличалась большим своеобразием.

— Слушай! Знаешь, что вчера было... Ну, слушай же: я со Свэном идем по Сельской улице и вдруг за нами — кто бы ты думала? Отгадай! Монти. Да, да, он самый. И в новом костюме. Форсистый какой — посмотрел бы ты на него! Болван, получил, должно быть, порядочные деньги за то время, что я с ним не видела. И ему, видно, и невдомек, что я со Свэном женаты, хватает меня за руку, совсем как раньше: «Куда бежит? Кто этот ваш друг? Я их познаю». Свэн смотрел на нас так, точно хотел нас проглотить. Ведь я ему всегда говорила, что никого из мужчин здесь не знаю. Но одного человека... Понимаешь? Я так и думала, что мне крышка. Словом перетрусил. Но все-таки выкарабкался из беды. Осторожно, осторожно, — говорю я — это не прежние школьные времена — Позаботьтесь с моим мужем — Свэном. Ну, и он понял и стал с ним ужас как любезен. И Свэн тоже смягчился, потому что я ему шепнула, что у отца Монти куча денег и что ему самому, наверно, окажется нужным вложить их в какое-нибудь дело. Понемножку они разговаривали. Но ты понимаешь, что могло бы из всего этого выйти, если бы дело повернулось иначе? Ведь он такой ревнивый — Свэн... Потом, когда он на нас не смотрел, я бросила на Монти такой взгляд, который ему все сказал: «Кой черт! что он делает? уходишь бы поскорее!» — Ну и он пошел. И все обошлось благополучно. А одно минуту, я, правда, думала, что кончится плохо. Но ведь знаешь Свэнчик, как он бывает, когда расстроится. Уж и не знаю, правда, что Монти был, но Свэн, своим же родным Берта говорил, что едет к родственникам Рейны.

В течение года, или полутора лет (период женитьбы Свэна), Берта и Рейна были почти неразлучны. Они всюду ездили с молодыми людьми, но, по словам Рейны, поскольку дело касалось лично ее, она ничего другого не позволяла себе, как только кататься в автомобильчике, обедать в ресторанах и танцевать. Но при этом они не переставали в очень неприятных, даже опасных положениях, и требовалось большое искусство и много такта, чтобы выбраться из них здоровыми и невредимыми. Главную опасность, как я не замедляла в этом убедиться, представляла собой эти поездки в автомобильчике почти совсем незнакомых молодых людей, которые нередко заволакивали их в очень уединенные места и начинали приставать к ним с разными предложениями, причем Рейна, по ее словам, на все подобные предложения никогда не соглашалась. Так, однажды, поздно вечером во время поездки в такси из Такумы в Ситтль (расстояние в тридцать миль) они подверглись нападению шофера и его приятеля, ехавшего вместе с ним. Хитрость, с которой они пригласили, чтобы дать им в руки, не может быть переоценена, но самый факт опасности, которой они подверглись, безусловно, интересен. Выскочив из автомобиля молодые девушки бросились в лес и, пробежав некоторое расстояние и увидев сквозь темную чащу ветвей мерцавший вдали свет, поехали на свет освещенного окна, побежали по тому направлению. Был момент, когда гнавшиеся за ними шофер и его приятель почти что на них натолкнулись, но пробежали мимо, не увидев их в темноте за кустами. Добежав до домика с освещенным окном, молодые девушки переночевали там и утром вернулись в Ситтль.

Щедрость Берты, ее дружба, доходящая до обожания, и все эти развлечения и удовольствия, связанные с их совместными поездками, внушили, повидимому, Рейне мысль, что жизнь представляет собой прелесть и игру и что кто-то всегда и всюду будет доставлять ей тот же самый комфорт, все те удобства и прелесть, которые она считала для себя необходимыми, и ее интерес к Свэну вначале был, повидимому, связан с воображением такого имени сорта. Но та привлекательность, которой он обладал в ее глазах, оставил ее в конце концов холодно относиться к нему, а потом и окончательно порвать свою дружбу с молодой девушкой. Это не мешало ей, однако, всякий раз, когда ее жизнь со Свэном складывалась не так, как ей хотелось, вспоминать о тех днях, которые она проводила с Бертой, и выражать желание опять к ним вернуться. И я думаю, что Свэн ни к кому не относился с такой неприязнью и нигде так не болтался, как именно Берты.

Но как моль для этой доле гат niente во всех тех случаях, когда Рейна бывала в хорошем настроении и занималась в исполнении тех или других своих «каверзных» планов, молодая женщина не оставляла ни на минуту желать. Она часами могла сидеть в удобном кресле перед тройным зеркалом своей сестры, подражая, расчесывая и причешывая на все лады свои волосы, подкармливая губы и щетки, проводя кисточкой по бровям и ресницам. Или же часами примеряла шляпы и плащи Роды, добужая на себя в большое трюмо, причем она обычно

звала меня или кого-нибудь, кто находился поблизости, прийти на нее посмотреть. — «Чертовски шикарно? Что?» — Целое утро она могла валяться в постели, совершенно не интересуясь тем, что делала в это время другие, и часто такое «куто» тянулось до самого обеда или вечера, когда она, наконец, решила встать и, одевшись, спешно придумать проект какого-нибудь удовольствия или развлечения, которое потом приводило в исполнение или Рода, или Свэн, или я. Иногда, очень редко, когда ей не удавалось от этого отбояриться, она помогала сестре готовить обед, но делала это так, что вместо помощи была для нее только помехой, чем застраховывала себя от дальнейших просьб этого рода.

Но, как правило, обед готовили дома редко. Рестораны представляли в этом отношении для Рейны гораздо больший интерес. По этому вопросу нередко бывала с ней солидарна и Рода. Но завелила разговор о ресторанах обычно не Рода, а Рейна, и это совсем не в зависимости от того, было ли у нее в кармане сколько-нибудь денег или нет. Не поехав ли сейчас туда-то или туда-то? Не помнит разве Рода, как они там хорошо танцевали? И она не может, конечно, не согласиться, что этот ресторан был чертовски шикарный? И все это говорило в моем присутствии, и, руководствуясь этими намеками и указаниями, мне ничего другого не оставалось, как вести туда обеих

сестер. А по окончании обеда, и это несмотря на то, что в то время ни Свэн, ни она не имели ни цента свободных денег (он перекопал в этот город единственно только потому, что порвал из-за нее связи со всеми другими своими местами), она тотчас начинала предлагать отправиться или в театр, или в концерт, или на реку участвовать в состязаниях на плавание, и ей никогда не приходило в голову мысль о сопряженных со всем этим расходах. Кто-то должен был заплатить, а кто-то об этом ей совершенно не для чего было думать. Больше того: для чего, собственно, и существовали мужчины, как не для того, чтобы платить, нести на себе все такие расходы? Ведь им надо было иметь около себя таких девушек, как она, Рейна. Так в чем же, в таком случае, дело?

В силу этого она старалась только ее увеличить и расширять, хотя я должен ей отдать справедливость, что лично мне всегда доставляло удовольствие. Но Свэн она этим, безусловно, стеснялась, так как он тогда соглашался принимать приглашение участвовать в нашей компании, когда ему разрешили вносить причитающуюся ему долю, если не за жену, то, по крайней мере, за себя. Но с этим Рейна абсолютно не считалась. Она желала развлекаться и закрывала глаза на источники средств, необходимых для ее развлечения.

Этот роман — одно из монументальнейших произведений художника; в его творческом пути «Американская трагедия» становится не только кульминацией зрелого художественного мастерства, но и завершением огромного творческого периода. «Американская трагедия» — книга большого реалистического размаха. Но реализм Драйзера, его замечательное знание мира, его огромный запас фактического материала, еще более расширяясь и углубляясь в этой книге, вступают в острейшее противоречие с идейной ограниченностью мелкобуржуазного художника. Очень зорко видящая им действительность объективно взрывает целый ряд прочно засевших в жизненной концепции Драйзера мелкобуржуазных и.е.е.

В «Американской трагедии» Драйзер выступает как художник не только широкого охвата, но и более дальновидного, заостренного социального зрения, чем в двух предыдущих десятилетиях его творчества. И здесь под давлением громады фактов, под давлением вырастающего из этих фактов широкого социального полотна распадается, объективно компрометиру-

конкурирующими финансистами; таким образом, Драйзер, не осознавая, что это есть одна из сторон классовой борьбы и не вводя никакие иные классовые группы в противопоставление Купервуду, дает такую образную систему, в которой борьба Купервуда и его победа — это победа сильного среди равных, то есть этот момент композиции романов снимает классовую сущность борьбы и делает ее одной из форм вечной борьбы за существование.

Объективные черты Купервуда — хищность, изворотливость, жестокость, беспринципность и т. д., его специфические черты классового человека, человека определенной эпохи, определенной общественной системы, с прельстительной яркостью данные Драйзером, искажены тем идеальным аспектом, в котором они раскрываются, тем ложным пониманием основных тенденций общественной борьбы, которое составляет идейный багаж художника. Эти классовые черты становятся лишь производными от биологического существа Купервуда, как бы проявляющегося и в этих социальных чертах. Его биологическая сила утверждается, как не подлежа-

всего поражает выросшим мастерством психологического анализа. Но все громадное здание фактов, говорящих о бесконечно стойких морально-бытовых предельных американца, о мещанской кастовой замкнутости и т. д. и т. д.; весь образ Америки не поддается, не цементуется оптимизмом идеи успешного продвижения (а роман написан в годы так называемого процветания); стремление к социальным высотам, стремление к обогащению дано здесь уже не как победоносный или одинаково грандиозный в своем подеме и падении путь «князьского» человека, человека определенной эпохи, определенной общественной системы, с прельстительной яркостью данные Драйзером, искажены тем идеальным аспектом, в котором они раскрываются, тем ложным пониманием основных тенденций общественной борьбы, которое составляет идейный багаж художника. Эти классовые черты становятся лишь производными от биологического существа Купервуда, как бы проявляющегося и в этих социальных чертах. Его биологическая сила утверждается, как не подлежа-

композиции не только от широчайшего охвата, но и от эмпирического показа, от невозможности в этот период творчества достичь широкого обобщения. Сознательными мотивами здесь ближайшими причинами. Развитие Клайда, история его личных отношений, постепенно утверждающаяся в нем власть идеи завоевания высот, создание всего его облика среднего американского юноши с прельстительной детализацией даны Драйзером. Но здесь нет еще сознательного стремления дать этот образ как образ классово исторической конкретности. Она, эта конкретность, создается, объективно вырастает в монументальном здании огромного фактического материала.

Из этого материала встает образ буржуазной Америки, стандарта ее провинциального, мещанского существования, ограниченного густой сетью негласных, мещанских высочайших, аристократических, аристократических иллюзий страны трагического крушения оптимизма американской «исключительности».

Объективизм Драйзера, подчиняющий его материалу, отражающий не только на композиции, но и в специфике драйзеровского повествования и в том стремлении оставаться на уровне своих героев, «американской трагедии». Художник, подчиняясь материалу, делает объективно значимые явления, проблемы и т. д., которые значимы для его героев, но часто растворяются в психологическом их уровне, и это дает некоторый оттенок мещанской сентиментальности, сужающей отдельные эпизоды романа.

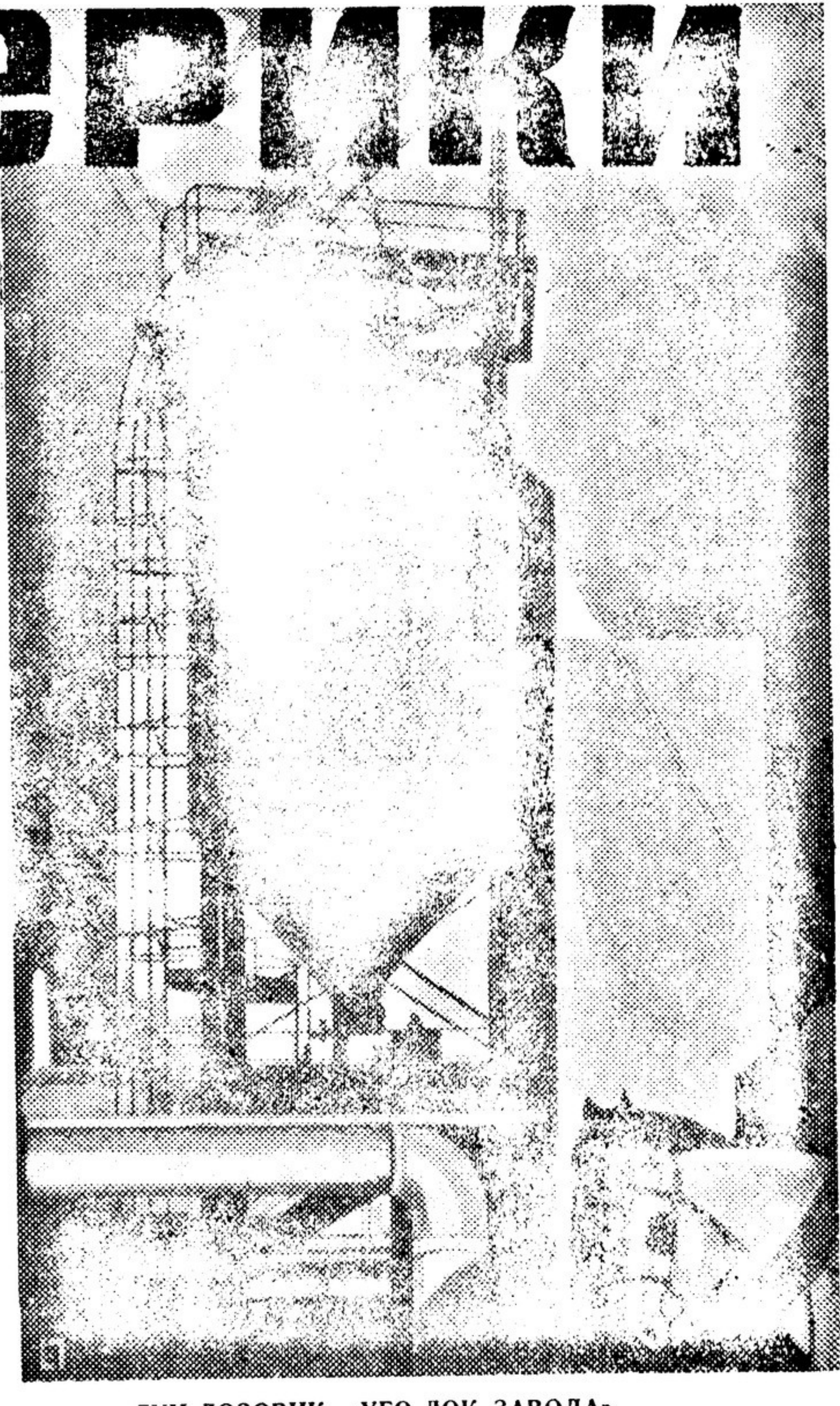
Язык Драйзера здесь, так же как и в других его вещах, не изыскан, не пригладен. Драйзер не несет всего гугман. Он, по частому повторению, заявлению, хочет показать жизнь «во всех ее прекрасных и страшных деталях», не обаявая, не «потребляя» ее, а обаявая «правду жизни». Этот грубоватый, часто в достаточной степени шаблонный язык, противопоставляющий себя эстетству и формальной изобретности, подчиняется стремлению к небезглаголювому вниманию к «страшным деталям», которое характерно для мелкобуржуазного реализма Америки. Но так же как и в рыцарской, непропорциональной композиции, пытающейся вложить все детали жизни, отражая ущербность эмпирического объективизма, так и в этом несорбном, но бокающем стандартных выражений, не впадая в стандартный язык раскрывается все та же подлинность материала. Драйзер не только в диалоге и монологе, но и во всей словесной ткани вещи стоит на языковом уровне своих героев. Его язык вмещает весь психологический мир его мещанского героя.

В «Американской трагедии» Драйзер становится настоящим большим мастером. Несмотря на недочеты композиции, он дает очень напряженную интригу, совершенно преодолевая опасность детективизма, в сюжетном узле убийства. Он становится мастером сложного психологического анализа.

В «Американской трагедии» Драйзер, не противопоставляя еще никакой другой силы силе капиталистического общества, не разрушает, но подправляет основу своих мелкобуржуазных иллюзий об американских возможностях, давая огромный материал, из которого вырастает образ крушения мещанских индивидуалистических иллюзий. Здесь нет аналогии с сильным, из этих иллюзий вырастающей.

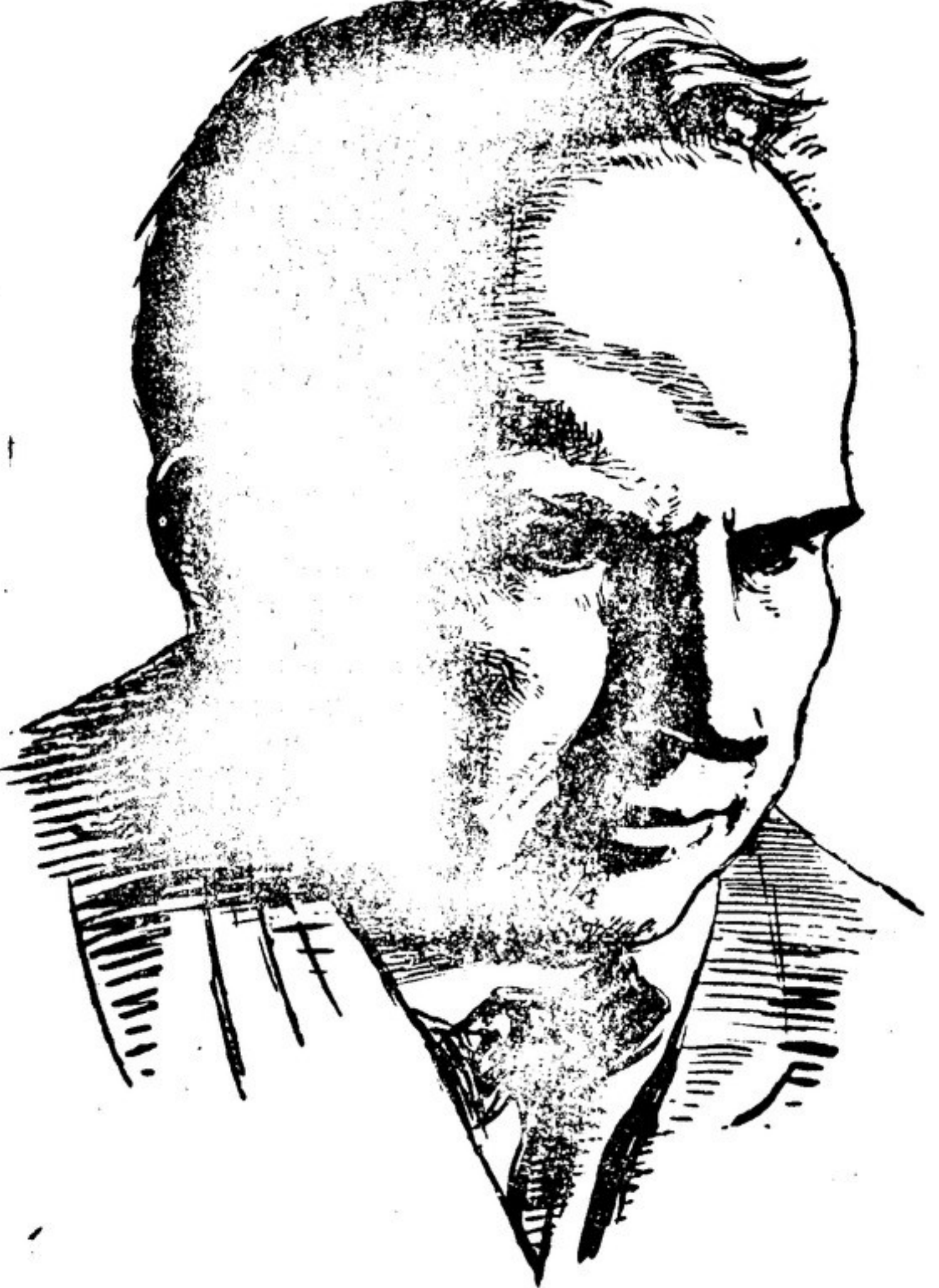
«Американская трагедия» — важнейший этап творчества Драйзера, подготовивший почву его революционизирующей, монументальнейшей прозаической американской реалистической литературы.

Н. ЭЙШКИНА

ЛУИ ЛОЗОВИК—УГО ЛОК ЗАВОДА

ОБ „АМЕРИКАНСКОЙ ТРАГЕДИИ“ Т. ДРАЙЗЕРА*

этой основной концепции Драйзера. Здесь возникает та трещина, которая становится одним из моментов, подготовивших перелом Драйзера последних лет.

К «Американской трагедии», написанной в 1925 году, Драйзер приходит как крупнейший художник-реалист. Он приподнял к ней с очень прочной концепцией закономерности, жизненного исторического процесса. Эта концепция во всей широте развернута в его «Трилогии желаний», и она-то особо крепкими нитями связывала его с буржуазным миром. «Трилогия желаний» и «Американская трагедия» — это утверждение и вместе с тем объективный распад драйзеровского видения мира.

Всякий процесс, включая и социальное — исторический процесс, представляется Драйзеру осуществлением извечных биологических законов. Эта биологическая концепция осуществлялась им с прельстительной последовательностью, и из нее вырастал ряд важнейших черт драйзеровского мировоззрения и творчества.

В «Финансисте» и «Титане» эта концепция развернута наиболее широко, и ограниченно связанная с этой концепцией апологетика капиталистического хищника Купервуда очень конкретно раскрывает классовое ее содержание.

Композиция обоих романов такова, что образ Купервуда дается в системе только классово-подобных образов. Его борьба за жизненные, материальные высоты — это борьба среди классово равных, но более слабых людей. Он борется

Н. ЭЙШКИНА

* Полностью статья печатается в № 11 жур. «Художественная литература».

В Оргкомитете

ОРГКОМИТЕТ О ПАРТСОВЕЩАНИИ В ЛЕНИНГРАДЕ ТРЕХТОМНИК „ЛИЦО ИМПЕРИАЛИЗМА“ — ШЕФСТВО НАД ЛИТДВИЖЕНИЕМ КАРАГАНДЫ

Если литературные силы Ленинграда приняли активное участие в областном партсовещании по вопросам колхозной литературы, о котором подробно сообщалось в предыдущем номере нашей газеты, то этого нельзя сказать о ленинградских издательствах и журналах, которые блестяще отсутствовали на совещании. Однако из сообщения ЛенГИХЛ (представителя которого удалось в дальнейшем привлечь на совещание) выяснилось, что на 1934 год ЛенГИХЛ наметил выпустить только три названия книг колхозной тематики.

Ценный опыт ленинградского областного партсовещания о колхозной литературе надо сделать достоянием всей страны.

Об этом сообщают на заседании секретариата Оргкомитета (26 ноября) т. В. Ставский.

Вопросы колхозной литературного движения остаются вне поля нашего внимания, — отметил т. П. Юдин. — У нас нет отработанных форм руководства литкружками в колхозах и совхозах. Кто должен ими руководить? Официально — руководство за журналом «Великий перелом». А фактически? Если «Совхозная газета» уже занялась вопросом руководства совхозными литкружками (проектное специальное совещание), то еще до сих пор не разрешена задача конкретного руководства литкружками в колхозах. Надо обеспечить колхозно-совхозные кружки руководителями, использовать опыт ленинградского партсовещания, провести аналогичные совещания и в Москве.

Писатели (т. Микитенко и Захаров) говорили о необходимости создания творческой среды для писателей, занимающихся колхозной тематикой, усиления руководства Оргкомитетом совхозно-колхозными кружками и союза партсовещания о колхозной литературе и в Украине.

Секретариат Оргкомитета признал уместным и в будущем оправданным себя опыт ленинградского партсовещания по массовому литературному движению в колхозах и совхозах. Решено просить МК партии о созыве аналогичного партсовещания в Москве. Оргкомитетом союзных республик рекомендовано провести на местах партсовещания о колхозной литературе. Во всеобщем Оргкомитете будут обсуждены совместно с политуправлением МТС и совхозов вопросы литдвижения в МТС и совхозах. «Литгазета» и журнал «Литературный критик» поручено дать ряд обзоров о книгах на сельскохозяйственную тематику и о литстраницах политотделских газет.

20-летие со дня начала мировой империалистической войны исполняется в 1934 году.

«Лицо империализма» — трехтомник истории империалистической войны в художественных образах будет выпущен к этому «юбилею». Первый том «Тайна рождения войны» рассказывает массовому читателю, как капиталисты готовили войну, покажут «войну в лицах» — портреты промышленных магнатов, генералов, буржуазных политиков, инициаторов мировой войны. Второй том — «Война в действии» — лояль на войне, разоблачение легенды о «священном» единении на фронте, в тылу, роль партии и т. д. Третий том — «Война в мире»

ВМЕСТО ОТЧЕТА „НОЧЬ НАЧАЛЬНИКА ПОЛИТДЕЛА“ А. БЕЗЫМЕНСКОГО

«Братья писатели! Вы много, бесконечно много, и часто вдохновенно говорите о творческой среде, о чуждости, о необходимости внимательного отношения к работе товарищей и тому подобным высоким материям. Как печально расходитесь часто ваша практика с вашими прекрасными декларациями и пожеланиями! Почти в каждом номере «Литературной газеты» автор этих строк вынужден констатировать этот факт с назойливостью и упрямством, которые начинают становиться неприятными ему самому. Сегодня приходится говорить об этом снова.

На этот раз ваш «сабсентенз» носит уже явно — как бы поделкатские — выразительные черты, как извещают, народ, бедняцкий...», скажем, явно странный характер. Выступал А. Безыменский со своей нотой, только что законченной поэмой «Ночь начальника политдела». Каковы бы ни были недостатки, характеризующие творчество Безыменского, нельзя уйти от того факта, что это — крупный поэт, рожденный и вскормленный революцией, что стихи его, «делающие сталь», дышат бурными страстями нашей эпохи, пронизаны большевистской непримиримостью, владеют умами огромных масс той героической молодежи, которая энтузиазмом помогает партии строить грандиозное здание социализма. Вы не можете опровергнуть поэзию, выданную на вечер в Бачелином и поддержанного т. Гидашем и Сурковым, положение о том, что на протяжении всего периода его творчества Безыменский неизменно выступает значительным, пионером в тех случаях, когда нужно по-настоящему поднять какую-нибудь большую, для данного этапа наиболее актуальную, проблему. Безыменский первый противопоставил беспредельной революционной романтике «кузнецов» поэзию строительной будней революции, провозгласив, что

Только тот наших дней не мелеет,
Только тот на нашем пути,
Кто умеет за каждой мелочью
Революцию мировую найти.

Безыменский первый поставил в художественной литературе тему о героике ударничества («Выстрел»), первый задумался над проблемой строительства социализма и теперь первый пытается дать развернутое поэтическое эпоху великого перелома в советской деревне, —

«эпикопоэду колхозной жизни», как удачно выразился т. А. Сурков, перефразируя слова Белинского об «Евгении Онегине».

Поэт отлично сознает, что за пионерство приходится иногда платить дорогой ценой: многое неизбежно остается недоделанным, явления не охватываются со всех точек зрения, вместо развертывания живых образов приходится прибегать к приемам дидактическим. Все это относится в полной мере и к последней поэме Безыменского, и именно потому что поэт сознает это, он вынес свое произведение до его опубликования на суд читателей и своих товарищей «по чеху».

Читатель свое мнение высказал. Он оценил большую организующую и воспитательную роль «Ночи начальника политдела», не упустив при этом из виду и недостатков поэмы, отметил некоторую неясность отдельных ее частей, отсутствие в ней крепкого сюжетного стержня, обилье длинных и т. д.

А вот вы, товарищи писатели, отнеслись (за двумя-тремя исключениями) к этому литературному событию, как к весьма будничному событию. Вы не пожелали прийти к советскому на помощь поэту, подкастовать ему, как освободить произведение от «обрака», где и как оживить образную ткань, углубить идейное звучание...

А ведь попутно был поднят и ряд других проблем, призвываясь к яду которых не грех многим из наших писателей, интересующихся психологией массового читателя. Так неожиданно возник вопрос о том, в какой мере крупный поэт (в тысячу строк) может затронуть вей доступ в колхозную аудиторию. Точка зрения эта, выдвинутая т. Бачелином, оправдалась рядом ораторов (аргоном Краушником, Арским и др.), но развотоа своего эта тема на вечер не получила — в значительной степени вследствие того, что вы в эту дискуссию не включились.

Огромной важности вопрос поднял т. В. Ставский, говоривший о «Ночи начальника политдела» как о произведении, в котором отразилась «сама правда жизни». Тов. Ставский указал, что в сочном, красочном и динамичном изображении колхозной свадьбы во второй части Безыменский далеко не всегда отступает от действительности: он как бы забывает несколько вперед, он в сущности зовет колхозную массу к этой действительности, подталкивает к ней, агитирует за новые бытовые нормы, за выделение новых обрядовых начал. Ставский считает такой прием глубоко оправданным: Безыменский конкретно показывает, как советский писатель должен бороться за социалистическую перестройку быта.

Разве не интересно было бы и поэту и аудитории услышать и ваше мнение по этому поводу?

Наконец, разве не следовало вообще поставить во всю ширь проблему борьбы за поднятые цели в области поэзии? Тов. Безыменский в заключительном слове рассказывал о том, как бесплодно были его попытки поучиться в процессе подготовки к работе над поэмой и о художественной литературе, у поэтов. Не у кого было учиться! Это — большая проблема, и собравшись наедине, как обсуждение поэмы Безыменского повлечет за собою также страстную дискуссию о путях нашей колхозно-пролетарской поэзии.

Попадались, увы, напрасно!
ЯК. ЭЙДЕЛЬМАН

Литературно-художественная Москва за 6 дней

В декабре исполняется пятидесятилетие ЦАГИ. Знают ли советские читатели этот замечательный институт?

Первая встреча писателей с руководящими работниками ЦАГИ, организованная группкомом МТП, показала, насколько значителен интерес, проявленный писателями к докладу начальника ЦАГИ т. Харламова о работе института.

ЦАГИ замечательно интересный материал для писателя, — сказал т. Харламов. — Мы строим агитсамолет-гигант «Максим Горький». Такое большое общественно-политическое событие не должно быть обойдено литературой. Писатели должны изучить работу ЦАГИ, людей ЦАГИ, создать ряд художественных произведений.

1 мая вылетит в первый агитрейс самолет «Максим Горький». В этот же день массовый читатель получит сборник о самолете «Максим Горький» (как стрелы агитсамолета), который выпустит МТП.

Писатели не упустят возможности только одним докладом т. Харламова МТП. Через несколько дней большая группа в 30 писателей посетит ЦАГИ. Руководство ЦАГИ ознакомило писателей с работой института за 15 лет его существования. Писатели отправились в пещару, где ознакомились с процессами изготовления сложного произведения. Писателям была дана возможность испытать ощущения полета в лабораторных условиях (тележка, аэродинамическая труба) и почувствовать себя пассажирами строящегося гиганта «Максим Горький».

Группком писателей при МТП и «Молодой гвардии» взяли шефство над литкружком ЦАГИ. Производственно-творческий сектор Мосторгком писателей организует в ЦАГИ творческие отчеты квалифицированных писателей. Эти отчеты являются началом подлинной творческой связи между работниками ЦАГИ и литераторами.

Кино «Рот фронт» (бывш. «Малая Дмитровка»). Здесь была в свое время (на III съезде РКСМ) произнесена историческая речь Ленина о задачах комсомола. В ознаменование 15-летия ВЛКСМ Мосторгком представил это помещение Комсомольскому комитету комсомола, а последний — своему ТРАМ, который является ядром организованного в скором времени Дома комсомола.

Таким образом, положен конец беспризорности молодого талантливого театра. Обеспечены главные предпосылки дальнейшего развития. Основное теперь — борьба за высококачественный драматургический материал, за овладение театральными мастерством.

Выставка картин и графики А. Кейлы открылась 18 ноября в здании Музея современной западной живописи.

Здесь творчество А. Кейлы служит залечам революционной борьбы. «Так или так?» — спрашивает одна из картин: голые, испитые лица рабочего и его семьи, потухшая фабричная труба и на ней хищный орел — эмблема жадной ненасытной и обожженной фашистской Германии. Рядом — те же лица, бодрые живые, и та же фабричная труба, из которой излет клубы дыма. Они уже скинули ора.

Тов. Бехер, член ЦК германской компартии, отметил яркую революционность работ А. Кейлы. А. Кейль хорошо известен советским трудящимся по своим картинам, плакатам, графике.

На днях т. А. Кейль получил премию за плакат «Ленинград вырос и окреп в боях» на конкурсе, организованном Изогизом.

ПЛАКАТ А. КЕЙЛЫ

ПЛАКАТ А. КЕЙЛЫ

В 5 строк

Тридцатилетие литературной деятельности сибирского писателя Исаака Гольдберга отмечает 30 ноября в Иркутске местный Оргкомитет ССП СССР, послан за подпиской к Ставскому прорественному телеграфу юбилею.

Два варианта «Мистерия-буфф» Маяковского и незнакомая переписка поэта по поводу опубликования и постановок в театре «Мистерия» выходят в ГИХЛ под общей редакцией О. М. Брик. Издание будет иллюстрировано.

В Тифлисе во Дворце писателей состоялось республиканское совещание по детской художественной литературе. С большим докладом о детской художественной литературе выступил наркомпрос Грузии т. Бедия.

Состоялся товарищеская встреча 15 старейших художников Палеха с писателями МТП, которые приняли культурное шефство над палехской артелью живописи. МТП выделил для Палеха библиотеку в 1000 книг.

Пьесу «Закон Лигуря», в основу которой положен роман Т. Драйзера «Американская трагедия», написал драматург Н. Базилиевский.

ТЕАТР

В начале декабря театр п/р Симонова показывает «Машиналь», — пьесу американского писателя С. Тредуэлла. Драматургическую форму этой пьесы, — говорит в беседе художественный руководитель театра Р. Н. Симонов, — наш театр расценивает как социальную трагедию. С точки зрения ее идейного содержания эта пьеса революционна для Америки, но для нас она является недостаточной острой, недостаточно значительной в своих социальных конфликтах. Над пьесой проделана очень большая работа, введен ряд новых действующих лиц, новые социальные группы, которые усиливают ее идейно-политическое значение. Эта трагедия разрешена нами в театральном игровом плане.

Спектакль художественно оформляет группа новых молодых художников — Аленев, Кулага и Липсон. Музыкальное оформление спектакля молодого композитора С. Урбаха. Постановка Р. Н. Симонова и А. Н. Габоянча.

В середине декабря театр выпускает следующую работу «Поляная пещина» по роману Шолохова. Постановка Р. Н. Симонова и А. М. Лобанова.

Сегодня театр МОСПС показывает премьеру — комедия молодого драматурга Константина Фина «Вздор», Постановка А. Вилера. Художник Б. Волков. Музыка В. Крокова.

«Враги» на сцене Малого театра и театра МОСПС, в этом году организует вечер 1 декабря друзей. После доклада т. Литовского и показа фрагментов спектакля состоится обсуждение постановок под председательством М. Аркадьева.

Ответственный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.
АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверской б. 25. Дом Гаршина. 3 этаж. Тел. 2-80-12.

ЖУРНАЛ „ЗНАМЯ“ НА ЩЕЛКОВСКОМ ХИМЗАВОДЕ

Еще одна широкая читательская конференция. На этот раз на Щелковском химзаводе — по инициативе редакции журнала «Знамя». С исключительной теплотой встретили рабочие оборонной промышленности товарищей, помогающих партии и правительству крепить оборону пролетарской страны другими средствами, средствами искусства, художественными. На трибунах — т. С. Мстиславский, А. Тарасенков, Н. Огнев, Э. Мадарас, С. Шипачев и др.

Во вступительном слове т. Тарасенков говорит о художественной литературе как о величайшем оружии коммунистического воспитания, о крупных победах оборонного сектора советской литературы, о задачах, стоящих перед журналом «Знамя».

Затем слово предоставляется самим писателям. Они рапортуют о произведениях, помещенных в свое время в журнале «Знамя». Тов. Огнев читает отрывок из романа «Три измерения», т. Мстиславский —

ЖУРНАЛ „ЗНАМЯ“ НА ЩЕЛКОВСКОМ ХИМЗАВОДЕ

рассказ «Последний солдат», Мадарас — стихи «Советские корабли», Шипачев — стихи о метрополитане, Сергеева — отрывок из рассказа «Земляки», Митрейкин — стихи и прозу, Лимарев — стихотворение «Проблема песни» и т. д.

Аудитория горячо реагирует на каждую авторскую удачу. В обсуждении принимают участие т. Мыллен, Кавер, ник, Халатов, Фокни, Яковлев, Козлов и др. Читатели подвергают критической и откровенной критике ряд произведений, похваляя другие. Часто вспоминают «Капитальный ремонт» Л. Соболева, произведение, пользующееся, судя по этим высказываниям, значительной популярностью в читательской среде.

Рабочие Щелковского химзавода взяли на себя обязательство — закрепить сымчку с журналом «Знамя» двойным способом: путем усиленного распространения журнала на заводе и улучшения качества работы местного литкружка.

DEUTSCHE LESER:
Wollen Sie in konzentrierter Form informiert sein ueber alle Vorgaenge in der Sowjet Union und ueber die weltpolitischen Ereignisse.
so abonnieren Sie die
MOSKAUER RUNDSCHAU
(erscheint alle 7 Tage)
Bezugspreis:
1 Jahr Rbl. 5.20
6 M-nt Rbl. 2.60
Wenn Sie Ihre Abonnementbestellung bei der Post rechtzeitig aufgeben, wird Ihnen die Moskauer Rundschau ab 1 Januar zugestellt. — Sie koennen aber Ihre Bestellung nebst Geldueberweisung auch direkt an den Verlag abgeben;
„JOURGAZ“
United Magazines and Newspapers Verleger
Moskau 6, Strastnoy Boul, 11

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 ГОД НА ЖУРНАЛ „СОВЕТСКИЙ МУЗЕЙ“
Орган Музейного отдела Наркомпроса. 4-8 год издания.
Журнал освещает все вопросы музейного строительства. В каждом номере значительное количество иллюстрированного материала.
Подписная цена на 12 мес.—9 р., на 6 мес.—4 р. 50 к.
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными КОГИЗ, а также повсюду на почте.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 г. на новый двухдвухдольный массовый иллюстрированный ЖУРНАЛ ТВОРЧЕСТВО
ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ХУДОЖНИКОВ И СКУЛЬПТОРОВ
ТВОРЧЕСТВО широко освещает участие работников искусства в социалистическом строительстве и борьбу передовых художников за стиль пролетарского искусства-социалистического реализма.
Журнал знакомит с жизнью и творчеством мастеров советского искусства и художественной молодежи.
Подписная цена: на 12 мес.—18 р., на 6 мес.—9 р., на 3 мес.—4 р. 50 к.
Отдельный номер—75 к.
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными КОГИЗ, а также повсюду на почте.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 г. НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ:
КРАСНАЯ НОВЬ
Ежемесячный журнал художественной литературы, критики и публицистики. Орган оргкомитета Союза советских писателей РСФСР.
Подписная цена: на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.
Цена отд. номера—2 р.
ОКТАБРЬ
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
Орган оргкомитета Союза советских писателей РСФСР.
Подписная цена: на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.
Цена отд. номера—2 р.
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ
Новый литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный ежемесячный журнал.
Выходит 6 раз в год.
Подписная цена: на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.
Цена отд. номера—1 р.
ЗВЕЗДА
Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал.
Орган оргкомитета Ленингр. союза советских писателей.
Подписная цена: на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.
Цена отд. номера—2 р.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК
Ежемесячный литературно-художественный журнал.
Подписная цена: на 12 мес.—24 р., на 6 мес.—12 р., на 3 мес.—6 р.
Цена отд. номера—1 р. 75 к.
З А Л П
Ежемесячный литературно-художественный и критический массовый журнал, содействующий обороне СССР средствами художественной литературы и искусства.
Подписная цена: на 12 мес.—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
Цена отд. номера—1 р.

ENGLISH READERS:
To keep up with current events here and abroad
Subscribe to
MOSCOW DAILY NEWS
(Issued 25 times a month)
3 months 7.50 rubs.
6 months 15 rubs.
12 months 30 rubs.
Subscriptions placed with the Post Office on time start on the first of January — or you may remit direct to the publishers;
„JOURGAZ“
United Magazines and Newspapers
Moscow, Strastnoy Blvd. 11

Издательство „СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Выходит в печати, на-днях рассылаются подписочники и поступает в продажу № 12 (декабрь)
ЕЖЕМЕСЯЧНОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОРОННОГО ЖУРНАЛА
„ЗНАМЯ“
В НОМЕРЕ:
Вс. Вишневский—Мы из Кроунштадта, поэма-фонем. П. Асеев — Песня гражданской войны; 1) Красной гвардии партизаны, 2) Партизанская, 3) В девятидцатом году, В. Сайнов—Олегов шти, повесть, Н. Браун—Скорая помощь (из цикла «Воспоминания»), стихи, Ва. Голышев—Бронесад Коврица, рассказ, Д. Воронцов—Песни ветра, стихи, М. Телелев—Спектакль, рассказ, Я. Кейлау—Две песни, С. Левман—Черная пена, роман (ополчение), А. Гитович, — Ночной выезд, стихи, И. Окна — По следам врага.
НА ФРОНТАХ ЛИТЕРАТУРЫ:
Кл. Лаврова—Опровержение музейности.
СМОТР ОБОРОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
П. Березин—Бс. Иванюв—драматург. Какой эпифонем нам нужен. (Из дискуссии о поэмо-фонемизме В. Вишневского «Мы из Кроунштадта»). Б. Леонидов, Н. Погодин, В. Аллерс, Н. Виноградов—Мамонт.
БИБЛИОГРАФИЯ:
И. Февтнов—Разложение старой армии (о кн. М. Тардова «Октябрь»). И. Жага—Нереальная задача (о кн. Антонова-Овсеенко «Освободительный год»). А. Малинин—О себе и между прочим о войне (о кн. Л. Фридлянда «Шесть баллов»). Н. Семенин—Проложенные схематизма (о кн. А. Исхаба «Полдарок»). А. Кипренский—Удачный опыт (о сборн. «На Врангеля»).
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 ГОД
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными КОГИЗ, а также повсюду на почте.
УСЛОВИЯ ПОДПИСК:
На год 24 р.
На 6 мес. 12 р.
На 3 мес. 6 р.
Цена отдельного номера 2 р.
Требуется журнал во всех kiosках.
Журнал «Знамя» включен в рекомендованный список ПУРКА.
Для библиотек подбираются комплекты журнала на 1933 год. С заказом обращаться по адресу: Москва, Тверской бульвар, 25. Издательство «Советская литература».

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ В УВЕЛИЧЕННОМ ОБЪЕМЕ № 4 ЖУРНАЛА ИСКУССТВО
НОМЕР ПОСВЯЩЕН 2 ЮБИЛЕИМ В ВЫСТАВКАМ:
1. „ХУДОЖНИКИ РСФСР ЗА ХУ ЛЕТ“
2. В Ы С Т А В К А РЕВВОЕНСОВЕТА СССР „ХУ ЛЕТ РККА“
В НОМЕРЕ:
6 ЦВЕТНЫХ РЕПРОДУКЦИЙ КАРТИН
А. Герасимов — «Ленин».
А. Герасимов — «Доклад т. Сталина на XVI партсъезде».
Б. Иогансон — «Долрое коммунистов».
С. Герасимов — «Клятва сибирских партизан».
П. Корин — «Портрет Горького».
П. Скаля — «1919 г.».
13 ЦВЕТНЫХ НАКЛЕЕК,
30 ИЛЛЮСТРАЦИЙ
СТАТЬИ:
А. Вульфов, Р. Эпелмана, С. Динамова, Н. Шекерова, С. Ромова, А. Бассехеса, И. Хвойника, Л. Роома, Д. Моора и Р. Кауфмана.
ЦЕНА № 4—9 руб.
Продава во всех kiosках Союзпечати и магазинах Книгоцентра. Подписка с № 1 принимается: Отделением и kiosками Союзпечати, всеми почтовыми отделениями и письмомосами, а также магазинами Книгоцентра. Подписная цена на 1 год (6 номеров)—54 руб., на 6 мес. (3 номера)—27 руб.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА
(На русском языке).
Центральный орган международного объединения революционных писателей МОРП.
Выходит 6 раз в год.
Подписная цена: на 12 мес.—9 р., на 6 мес.—4 р. 50 к.
Цена отд. номера—1 р. 50к.
РОМАН-ГАЗЕТА
Ежегодный массовый журнал художественной литературы.
Подписная цена: на 12 м.—6 р., на 6 мес.—3 р.
Цена отд. номера—50 к.
Подписка принимается всеми отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными КОГИЗ, а также повсюду на почте.